

О Т З Ы В

официального оппонента

о работе Степана Константиновича Рыбалко

«Интермедиаальный персонаж в малой эпической прозе»,

представленной на соискание

ученой степени кандидата филологических наук

(специальность 5.9.3 – Теория литературы)

Диссертационное исследование С.К. Рыбалко, глубокое и тщательное, в своих основах посвящено особенностям той сложной роли, которую играет литература в процессах взаимодействия искусств. Этот выбор говорит о многом, поскольку такая тема требует широкого художественного кругозора, не ограниченного рамками словесности, а также интереса к проблемам, связанным с обновлением научных традиций.

Для выполнения исследовательской работы диссертант познакомился с многими методами осмысления произведений, основанных на синтезе искусств, а также научился распознавать следы сближения искусств в неочевидных случаях их взаимодействия. Поскольку современная культура в значительной степени ориентирована на стирание отчетливых границ между искусствами, между сферой искусств и сферой науки, в особенности – философии, между художественной реальностью и т.н. «внехудожественной» действительностью, затраченные С.К. Рыбалко усилия приводят к существенным результатам, позволяя ориентироваться в культуре современности и по-новому взглянуть на классическое наследие прошлого.

Вовлекая в исследование широкий спектр разноречивой малой прозы – от Эйхендорфа до Клауса Манна, от Одоевского до Паустовского, от Дюма и Мериме до французских символистов, от Эдгара По до Толкина и далее, С.К. Рыбалко использует многообразные знания, касающиеся основных составляющих европейских культур и их взаимосвязей. Разнородный корпус изучаемых текстов требует энциклопедической образованности исследователя и подтверждает ее. При этом диссертант сосредоточивает внимание на сложных контактах различных сфер художественной деятельности и на произведениях, наиболее отчетливо обнаруживающих характерные результаты этих контактов.

Интермедиаальный аспект постепенно, начиная с 1980-х годов, становится все значительнее в исследованиях культуры в целом и литературы в частности. Он адресует ученых к давней традиции, которая объединяет такие вехи, как труд Лессинга «Лаокоон или О границах живописи и поэзии» 1766 года, мысли Сэмюэла Тейлора Кольриджа, сформулированные с использованием слова «интермедиа» в 1812 году, гегелевские «Лекции по эстетике» (1835-1838) с особым сопоставлением музыки и литературы, теория универсальной поэзии Фридриха Шлегеля, понимание *Gesamtkunstwerk* в наследии Рихарда Вагнера, знаменитые размышления Вальтера Беньямина «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» 1936 года и, например,

существенные для настоящего времени рассуждения о цифровой литературе. Совершенно очевидно, что диссертант взял на себя большой труд – тщательнейшим образом проработать огромные пласты теоретического материала, чтобы в результате обращаться с ним умело и даже легко. С.К. Рыбалко удастся увидеть и подчеркнуть преемственность нашего времени и отдаленных традиций, глубоко осмыслить происходящее «между медиа», выявить их соединения и трансформации.

Диссертант освоил огромный массив исследовательских работ, нашел в нем надежные ориентиры, о чем свидетельствует впечатляющий список источников (34 наименования) и научной литературы на русском, английском и немецком языках (243 наименования). Библиографические данные приведены в высшей степени аккуратно, во всем гигантском списке литературы мне удалось заметить лишь одну поверхностную неточность, а именно номера 179 и 180 совпадают: Эстетика немецких романтиков / сост., пер., вступ. ст. и коммент. А. В. Михайлова; редколл.: М. Ф. Овсянников. — Москва: Искусство, 1986. — 736 с. — (История эстетики в памятниках и документах). Тот факт, что приведенные 276 текстов были использованы С.К. Рыбалко, не подлежит ни малейшему сомнению. Список любого объема можно упрекнуть в недостаточной полноте, однако в данном случае упрек, вероятнее всего, окажется напрасным. Библиография включает наименования, выбор которых был обусловлен отчетливой и вполне очевидной исследовательской стратегией.

Возможно, в работе над третьей главой «Интермедиаальный персонаж и исполнительские (перформативные) искусства» дополнительно пригодились бы материалы ряда конференций «Слово и музыка», первая из которых была организована Александром Викторовичем Михайловым в 1993 году. См., например, в связи с этим сборник, опубликованный крошечным тиражом в 300 экземпляров по материалам конференций 1994, 1995, 1996 и 1998 гг.: СЛОВО И МУЗЫКА: Памяти Александра Викторовича Михайлова: Материалы научных конференций / Научные труды Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского. Сб. 36. Редакторы-составители: Е.И. Чигарева, Е.М. Царева, Д.Р. Петров. — М.: МГК, 2002. — 358 с. Вместе с тем приятно видеть, что труды самого А.В. Михайлова многократно отмечены в сочинении и принесли диссертанту очевидную пользу.

Нет сомнений в том, что С.К. Рыбалко движет потребность ответить на вполне конкретные научные вопросы, поэтому ему удастся на редкость отчетливо выстроить стратегию исследования. Он ставит перед собой понятную и достижимую цель: выявить, описать и типологизировать интермедиаального персонажа в малой прозе XIX – первой половины XX вв., определить его функции в произведениях. Этой основной цели оптимально соответствуют задачи, также точно обозначенные. Предельно ясно сформулированы и положения, выносимые на защиту. Отчетливое построение всей диссертационной работы позволяет легко заметить, что цель – достигнута, задачи – выполнены, а выводы – снабжены всеми необходимыми доказательствами.

Исследовательская стратегия диссертанта полностью отражена в структуре сочинения. Первая глава «Категория интермедиаального персонажа» направлена на выработку понятийного аппарата, необходимого для анализа интермедиаального персонажа. В этой связи отдельно хотелось бы отметить достойное уважения внимание

С.К. Рыбалко к терминологической стороне исследования, тщательность в выборе и формулировании определений. Лишь единственная пара терминов, возможно, нуждалась бы в некотором уточнении и более явном разделении: структура / система, чтобы избежать впечатления, будто эти слова иногда используются как синонимы. Особенно удачными в теоретической части работы мне показались страницы, посвященные представлениям Фридриха Шлегеля об универсальной поэзии, очень уместно сопоставленным с наследием Рихарда Вагнера и дальнейшими трансформациями романтических идей (стр. 83-84).

Вторая глава «Интермедиаальный персонаж и визуальные искусства» посвящена рассмотрению фигур художников и скульпторов в произведениях малой эпической прозы XIX – первой половины XX вв. Эта часть работы воспринимается легко и, вместе с тем, с необходимой глубиной, потому что подготовлена всем предшествующим ходом рассуждений. С.К. Рыбалко внимательно изучены особенности живописи и скульптуры, сформулированы различия искусств, которые влияют на роли, исполняемые художественными произведениями в текстах.

С.К. Рыбалко исследует художественные произведения достаточно тщательно, чтобы можно было заметить, насколько продуктивен выбранный им теоретический аспект рассмотрения. Его следует признать подлинной и заслуженной удачей начинающего ученого, что очевидно уже при знакомстве с первым разделом второй главы «Интермедиаальный персонаж-художник» (стр. 98 и далее). Размышления диссертанта о конкретных текстах и родстве их интермедиаальных персонажей, которое он совершенно справедливо распознает и отмечает, производят в высшей степени благоприятное впечатление.

Третья глава «Интермедиаальный персонаж и исполнительские искусства» дополняет предшествующую часть сочинения исследованием текстов, в которых медиатором между словесным текстом и другими видами искусства выступают музыканты и актёры. Эти страницы работы радуют многочисленными сопоставлениями сложных и глубоко понятых произведений мировой литературы, многие из которых заслуживали бы отдельных диссертационных сочинений.

Мне как германистке особенно дороги размышления С.К. Рыбалко о романе «Мефисто» Клауса Манна, чрезвычайно удачно подкрепляющие логику исследования (стр. 168). Предлагаю лишь несколько уточнить одно высказывание: «Хефген последовательно конструирует собственную идентичность через смену сценических „масок“» (стр. 168). Возможно, актер Хефген не вполне удачно конструирует, а лишь пытается конструировать собственную идентичность, постоянно ускользающую. Интермедиаальный персонаж на этом пути не достигает успеха: дурно сыгранный им Мефистофель на деле оказывается мелким бесом, «Мефисто», а сам актер – никем, опасной пустой оболочкой без идентичности, безликим винтиком в работающем механизме тоталитарного режима. Пишу об этом лишь потому, что жанр отзыва оппонента требует замечаний даже в тех случаях, когда серьезных недочетов в работе найти не удается.

Выводы, сделанные в обеих аналитических частях исследования неизменно убедительны. Диссертант умело и осознанно использует имеющиеся в его распоряжении разнородные литературоведческие тексты, которые ни в коей мере не препятствуют его

самостоятельным наблюдениям, течению собственных мыслей. Чрезвычайно отрадно, что работа обнаруживает множество интересных и своеобразных размышлений, за которые я искренне благодарна Степану Константиновичу Рыбалко. Редко встречаются сочинения, которые так увлекательно читать! Вместе с тем отмечу: это чтение небыстрое, оно легко позволяет распознать в работе одно из редких и серьезных исследований, созданных с особой сосредоточенностью. Очень велика смысловая насыщенность и связность текста, которая приводит к тому, что предлагаемое диссертационное сочинение без должного внимания ко всем деталям прочесть невозможно. Очевидно, что С.К. Рыбалко с успехом направляет свои усилия на синтез многообразных научных достижений. При этом диссертанту всегда удастся найти удивительно ясные формулировки, неизменно соблюдая определенное единообразие стиля.

Нет сомнений в том, что диссертационное сочинение С.К. Рыбалко представляет собой успешную попытку сказать по-настоящему новое слово в науке, создать важную основу для дальнейшего изучения интермедальности, для плодотворного исследования интермедальных персонажей. Если искать дальнейшие возможности сообщить размышлениям С.К. Рыбалко еще большую глубину, наверное, стоило бы обратить внимание на вопрос о том, как интермедальные персонажи и их роли в произведениях связаны с дефабулизацией прозы, усилением ее поэтологических составляющих и с все более активной саморефлексией искусства в XX веке. Этот аспект видится мне значительным для понимания современной культуры в целом. Весьма вероятно, что проведенное исследование позволит в дальнейшем увидеть научные возможности, которые еще не исчерпаны. Рискну предположить: работа в этом направлении С.К. Рыбалко еще предстоит в дальнейшем, после защиты диссертации.

А сейчас мне хотелось бы поблагодарить Степана Константиновича Рыбалко за исключительно интересную работу. Буду надеяться, что приведенные замечания позволяют заметить: поиск действительных недостатков, присущих работе диссертанта, оказался для меня непосильной задачей. Разумеется, сформулированные наблюдения не следует рассматривать как критику, даже если они могли показаться констатацией недостатков. Мне пришлось ограничиться лишь советами, имеющими отношение к будущей научной деятельности диссертанта. Представляется очевидным, что С.К. Рыбалко проделал огромную и плодотворную работу, результаты которой – чрезвычайно значительны, а достоинства – неоспоримы. Более того, считаю исследование С.К. Рыбалко большим научным достижением.

Мне хотелось бы также надеяться, что важнейшие результаты диссертационного сочинения будут изложены и в отдельно опубликованной книге, которая окажется полезной многим профессиональным читателям. Исследование открывает богатейшие перспективы для дальнейшей научной работы, которую, как можно предположить и предложить, будут осуществлять не только сам диссертант, но и многие его и наши коллеги, например, специализирующиеся, например, на наследии Лессинга (см. «Эмилия Галотти») или Шиллера (см. «Разбойники», «Заговор Фиеско в Генуе»). Художники и скульпторы без труда обнаруживаются уже в драматургии XVIII века, а создаваемые ими картины и скульптуры радикально меняют привычную перспективу повествования.

Отличный научный текст подталкивает и официального оппонента к участию в размышлениях. Как дополнительный материал для дальнейшего исследования могу порекомендовать несколько произведений. Среди них – рассказ Хулио Кортасара «Менады» (1956) о концерте, который длится на протяжении всего повествования и постепенно превращается в катастрофу гуманистической традиции. Пригодиться мог бы и более трудный случай – загадочная фигура актера Зрцадлю (Зеркало) из романа Густава Майринка «Вальпургиева ночь» (1917). Этот интермедиаальный персонаж сопровождает своей сомнамбулической игрой повествование и влияет на его ход, а в дальнейшем – погибает, став лишь призраком и кожей на барабанах, под бой которого и проходят кровавые сцены бунта. На материале такого произведения может оказаться интересным изучить воплощение исполнительских искусств в процессе перехода из пугающей театральной сферы в сферу чудовищной музыки.

Более сложным текстом могут оказаться «Записки Мальте Лауридса Бригге» (1910) Р.М. Рильке, содержащие знаменитую сцену с масками вместо человеческих лиц. Этот роман австрийского поэта, который упоминается в диссертационном сочинении в связи с притчей о блудном сыне (стр. 135), повлиял на современную литературу, в частности на роман Даниэля Кельмана «Я и Каминский» (2003), в центре которого оказывается процесс рисования / рассматривания серии неудачных, но выразительных автопортретов, созданных загадочным, казалось бы – слепнущим, художником. Изучение этого процесса как модели повествования может помочь связать представления об интермедиаальных персонажах из второй и третьей глав диссертационного сочинения. Их различия С.К. Рыбалко справедливо характеризует так: «если живописец или скульптор встраивают в произведение статичный пространственный объект, то музыкант и актёр вносят в него временной процесс, требующий иных способов репрезентации интермедиаального персонажа» (стр. 143). Театрально ориентированная сцена Рильке, переходя в мир современного романа о живописце и безуспешной процессуальности изобразительного искусства, могла бы продемонстрировать размытость границы между типами интермедиаальных персонажей и стать одним из тех исключений, которые способны подтвердить сформулированное диссертантом правило.

Рисование как процесс, принципиально не достигающий завершения, можно обнаружить и в рассказе Германа Гессе «Превращения Пиктора» (1923). Речь в нем идет о дряхлеющем изображении райского сада, в котором герой Пиктор (живописец) переживает удивительные метаморфозы. Примечательно, что этот текст многократно и по-разному иллюстрировал на протяжении всей своей жизни сам Гессе, как известно, с удовольствием занимавшийся живописью.

Другим примером может стать роман Вирджинии Вулф «На маяк» (1927) с его ключевым образом художницы Лили Бриско: ее работа над картиной, завершённой лишь в конце произведения, становится процессуальной моделью романа, не только воплощающей постоянно меняющийся текст, но и влияющей на мир произведения и его восприятие со стороны читателя. Этот роман не пригодился С.К. Рыбалко для диссертационного исследования, однако в списке литературы есть работа о прозе Вирджинии Вулф: *Ковригина Я. С. Проза Вирджинии Вулф: интермедиаальный аспект* :

дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / ИвГУ. – Иваново, 2016 232 с. Возможно, она могла бы понадобиться и в дальнейшем.

Выдающаяся работа С. К. Рыбалко выполнена с соблюдением всех требований, предъявляемых к кандидатским диссертациям. Содержание автореферата полностью соответствует содержанию диссертации.

Материал диссертации прошел достойную научную апробацию и будет чрезвычайно полезен в вузовском преподавании теории и истории литературы, а также при изучении вопросов, связанных с интермедийностью.

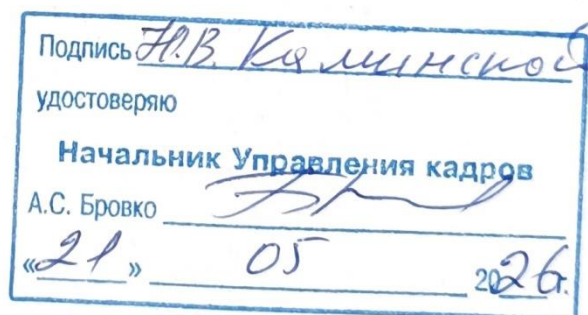
На основании вышесказанного считаю, что С. К. Рыбалко, несомненно, заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук.

Кандидат филологических наук
по специальности 10.01.05.

Литературы народов Европы, Америки и Австралии,
преподаватель кафедры зарубежного искусства
ФГБОУ ВО «Российский государственный
институт сценических искусств»

Юлиана Владимировна Каминская

21.05.2026

Адрес организации: 191028, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 34
Телефон: +7 (812) 493-98-42
E-mail: 4kaf@rgisi.ru